

Н.П. ВАСИЛЕНКО

АКАДЕМИК

БОГДАН АЛЕКСАНДРОВИЧ КИСТЯКОВСКИЙ

I

Смерть Б.А. Кистяковского — великая утрата для науки вообще и для Все-украинской Академии Наук в частности^{1*}. Он умер в расцвете своих интеллектуальных сил, находясь, можно сказать, в зените научного творчества. Наука могла ожидать от него еще многого. Когда просматриваешь тетради и выписки, которые в большом порядке оставил после себя Богдан Александрович, такая грусть охватывает: столько свидетельств упорной творческой научной работы, которая не удовлетворялась старым, а искала нового, новых путей и новых научных достижений! В жизни Украинской Академии Наук вообще и III (социально-экономического) отдела ее особенно Б.А. Кистяковский принимал большое участие. Он был членом комиссии, которая вырабатывала первый устав Академии. В пору, когда Академии угрожала наибольшая опасность (со стороны Деникина), Богдан Александрович вместе с тогдашним президентом Академии академиком В.И. Вернадским ездил в Ростов и был там горячим и стойким защитником существования Академии^{2*}. Во внутренней организационной работе Академии Б.А. Кистяковскому также принадлежит значительная роль. Он, правда, не был в числе тех академиков, на чьи плечи легли первые тяготы организации Академии. Он вступил в Академию позднее, через несколько месяцев, но это не уменьшает его роли. В академики Б.А. Кистяковский был избран в январе 1919 года. Его кандидатуру на должность академика III отдела предложил покойный М.И. Туган-Барановский, а отзыв о научной деятельности Богдана Александровича написал Ф.И. Тарановский, который подчеркнул, что «в лице Б.А. Кистяковского мы имеем выдающегося представителя научно-философского направления в общественных науках, в частности, в науке о государстве, и глубокого специалиста в области государственного права».

Вначале Б.А. Кистяковский был избран на должность внештатного академика по кафедре государственного, административного и международного права. В III отделе в то время была свободной кафедра теоретической экономии, поэтому отдел возложил на Б.А. Кистяковского председательство в постоянной комиссии по изучению социального вопроса. А уже в феврале Богдан Александрович был избран на должность штатного академика по кафедре социологии.

Для своей академической работы Кистяковский выбрал тему, которая затрагивала историю идей об автономности Украины, начиная с середины XVIII в., и приступил к сбору материалов для нее. Постоянная комиссия по изучению социального положения под председательством Кистяковского наметила своей целью собрать специальную библиотеку, составить рациональную библиографию по всем направлениям своей общей программы, положить начало для музея и приступить к изданию бюллетеня. Как это можно проследить по протоколам, Б.А. Кистяковский аккуратно посещал заседания III отдела и общего собрания Академии.

Но, к сожалению, его работа в Академии продолжалась недолго. Захваченный всеобщим потоком гражданской войны он сначала отправился в Ростов, оттуда в Екатеринодар, оставив семью в Киеве. Поездка была долгой и тяжелой, она страшно утомила и обессилила Богдана Александровича, он очень нервничал.

Все это имело катастрофические последствия. В Екатеринодаре его выбрали профессором Политехнического института. Но обострилась старая болезнь, доставшаяся Богдану Александровичу по наследству от отца — камни на печени, — и не давала ему возможности работать и руководить кафедрой. Богдан Александрович решился на операцию; поначалу она, правда, прошла успешно, но в конце концов

сердце не выдержало и на седьмой день после операции 16/29 апреля 1920 года Богдан Александрович Кистяковский скончался в больнице от паралича сердца. Похоронен он в Екатеринодаре (Краснодаре) на городском кладбище.

II

Б.А. Кистяковский родился в Киеве 4/16 ноября 1868 года и был вторым сыном профессора Александра Федоровича Кистяковского и его жены Александры Ивановны, урожденной Михель. Мать Б.А. Кистяковского была родной сестрой первой жены видного украинского деятеля и историка В.Б. Антоновича^{3*} — Варвары Ивановны. Крестным отцом Богдана Александровича был В.Б. Антонович. Когда при крещении родители решили назвать своего сына Богданом, священник отказал им в этом, т.к. счел это имя за неправославное. Сына назвали Федором, что в переводе на славянский язык означает Богдан (Богом данный). Всю жизнь все звали его Богданом. Федором он числился только в официальных бумагах, а живя за границей, называл себя Theodor.

Род Кистяковских происходит из крестьян. Прадед Богдана Александровича Емельян Васильевич Кистяковский был крепостным графа Ильи Андреевича Без-бородко (основателя Нежинского лицея), в 1808 году отпущенным на волю. Жил он в местечке Стольном Сосницкого уезда Черниговской губернии. Дед Богдана Александровича, Федор Емельянович, окончил Черниговскую духовную семинарию и был священником в селе Городище того же Сосницкого уезда. После него остались чрезвычайно интересные для истории быта того времени «Воспоминания» (они напечатаны в 1895 году в «Киевской старине»).

Дед Богдана Александровича был многосемейный. Из его сыновей самым выдающимся был отец Богдана Александровича, видный профессор уголовного права в университете Св. Владимира Александр Федорович Кистяковский (он родился 14/26 марта 1833 года, умер 13/25 января 1885 года). Это был не только выдающийся ученый, но и видный украинский общественный деятель, помощник редактора журнала «Основа» и активный член «Старой громады»^{4*} — нелегальной организации, основанной в начале 60-х годов, которая на протяжении трех или четырех десятилетий являлась, можно сказать, единственной хранительницей украинских традиций.

Семья А.Ф. Кистяковского была, таким образом, надежной почвой для развития национально-украинских симпатий и национально-украинского мировоззрения. Этому способствовали еще и родственные связи с семьей В.Б. Антоновича, который как раз в то время стоял в центре украинского культурно-национального движения. Надо полагать, все эти влияния не прошли бесследно для формирования общественных взглядов Богдана Александровича.

С раннего детства Богдан Александрович был слабым и болезненным и рос одиноким среди своих сильных и здоровых братьев. Он отличался от них и своим характером, большей замкнутостью^{5*}.

Первоначальное образование Богдан Александрович получил дома. Затем он поступил во 2-й класс киевской гимназии. Учился он хорошо, хотя не отдавался целиком гимназическим занятиям. Хотя это было время господства классического образования, требующего большого напряжения, Богдан Александрович учился так, что у него оставалось немало времени и для домашнего чтения.

Богдану Александровичу шел 17-й год, когда неожиданно умер его отец. Это было для него большим горем. Люди, близко знавшие его в то время, рассказывают, что Богдан Александрович только незадолго перед тем близко сошелся с отцом, сильно привязался к нему, почувствовал на себе благодатное влияние его морального и умственного авторитета. Глубоко пережив свое горе, юноша на всю свою жизнь сохранил величайшее уважение к памяти отца.

Вскоре обрушилась новая беда. В седьмом классе гимназии Богдан Александрович то ли сам организовал небольшой кружок, то ли, быть может, только принимал в нем

участие. В кружок входили учащиеся, которые время от времени собирались, чтобы почитать украинскую заграничную литературу. Начальство узнало об этом, и Богдан Александрович был исключен из гимназии.

С большим трудом его матери удалось после этого устроить его в Черниговскую гимназию. Здесь Богдан Александрович начал «закаляться» на удивление всему Чернигову: зимой он ходил без шапки в одной курточке, спал на голых досках. Рассказывают, что в то время он очень много читал и работал, но больше не для гимназии. Жил он на квартире учителя. Казалось, ему удастся окончить гимназию. Но в восьмом классе обрушилась на Богдана Александровича новая беда. Во время экзаменов на аттестат зрелости у одного из гимназистов нашли копию по латинскому и греческому языку, изготовленную заранее. Весь класс был обвинен в пользовании шпаргалкой и исключен. В том числе и Б.А. Лишь с большим трудом ему посчастливилось после этого сдать экзамен на аттестат зрелости в ревельской Александровской гимназии.

Ш

Осенью 1888 года Б.А. поступил в Киевский университет на историко-философский факультет. Сильнее всего интересовала его тогда история России и Украины. Его целью было посвятить себя научным занятиям под руководством Б.В. Антоновича. Внешние обстоятельства весьма благоприятствовали этому. В.Б. Антонович был его близким родственником, его крестным отцом, мужем его тетки, и к тому же был в дружеских отношениях с его отцом. С Антоновичем у Б.А. установились близкие отношения, которые могли сохраниться и в будущем; при затруднениях в работе Б.А. обращался к Антоновичу за помощью, пользовался его советами и богатой библиотекой. По-видимому, не без влияния семейных традиций и В.Б. Антоновича уже в то время Б.А. стал проявлять большой интерес к украинству. На одном вечере^{6*}, по тем временам чрезвычайно конспиративном, посвященном памяти Т.Г. Шевченко, он выступил с декларацией «Кавказа» и имел большой успех.

Влияние старого или, как тогда говорили, «этнографического» направления, которого придерживалось старшее поколение украинцев, входивших в состав «Старой громады» или связанных с нею, стало в то время падать и уже не удовлетворяло молодежь. Началось критическое отношение к нему, находившее себе поддержку в статьях М.П. Драгоманова, который позднее, в начале 1890 года наиболее ярко высказал свое критическое отношение к предшествующему поколению украинской интеллигенции в статье «Странные мысли об украинском вопросе» и в «Письмах в Приднепровскую Украину». Авторитет М.П. Драгоманова среди украинской молодежи в конце 1880-х годов сильно возрос. Его участие в политической жизни Галиции пробуждало в киевских студенческих кругах интерес к своей стране, ее политическим и национальным интересам, к той борьбе, которая шла в то время на национально-политической почве. В Киевском университете образовался кружок молодежи, изучающей украинский язык, литературу, читающей украинские заграничные издания. В кружок входили: К.И. Арабажин, Н.А. Лаппо-Данилевский, А.С. Мар-шинский, А.С. Синявский, братя Сергей и Евгений Дегены и др.¹

Тогда же у Б.А. возник интерес к личности М.П. Драгоманова, а также и к деятелям недавно основанной в Галиции Радикальной партии (Ивану Франко и Михаилу Павлику)^{8*}.

В августе 1888 года Б.А. вместе с А.С. Маршинским, С.В. Дегеном и его сестрами Н.В. и М.В. Деген отправился в Галицию. Целью поездки было установление связи с тамошними деятелями, и прежде всего с М.П. Драгомановым^{9*}.

Но Драгоманова в тот момент не было во Львове. Он был в Софии, в Болгарии. Б.А. Кистяковский написал ему письмо. Как позднее рассказывал мне сам Б.А.,

¹См.: *Тучапский П.М.* Девяностые годы. Одесса, 1923. С. 17—18 .

Драгоманов ответил ему на это письмо. Он не советовал ему ехать в Софию, так как опасался шпионов, и вообще рекомендовал ему быть осторожнее, беречь себя. Драгоманов, как известно, был убежденным противником ранней гибели молодежи. Он советовал Б.А. работать, учиться, получить образование по общечеловеческим и европейским канонам. Б.А. послушался: в Софию не поехал. Так он никогда и не увидел Драгоманова, но был его идейным учеником и поэтому всю свою жизнь так интересовался личностью Драгоманова, его произведениями, его моральным обликом и, совместно с М. Павликом, много сделал для выяснения роли и значения Драгоманова.

Во Львове Б.А. близко познакомился с Иваном Франко и Михаилом Павликом. У Франко он даже крестил сына. После Львова Б.А. Кистяковский предполагал ехать в Тироль лечиться, но Ольга Федоровна, жена Ивана Франко, предложила ему поехать в Карпаты в с. Нагуевичи^{2, 10*}. Компания поехала и весело провела время, о чем Б.А. писал своей матери из Черновца 16 августа 1889 года: он прошел свыше 250 верст пешком, ездил в Венгрию и пробыл там несколько дней. В Галиции он предполагал пробыть еще не меньше месяца.

Вскоре открылся Сейм (при выборах в который Б.А. присутствовал)³, и ему хотелось побывать также и на заседаниях Сейма. Но этого ему не удалось, так как по приезде во Львов он был арестован австрийской полицией. 4 сентября 1889 года он писал матери, что сидит в тюрьме уже больше двух недель. Ему помогала О.Ф. Франко, которая посылала ему в тюрьму продукты. В чем обвиняли Б.А.? На это находим кое-какие указания в его письме к матери от 4 ноября, когда его уже выпустили на свободу:

«И откуда мог я знать, — пишет он, — что возбужу подозрения в панславистских замыслах? Уже на допросах я узнал, что Австрия дрожит за владение русской Галицией, но, конечно, мне даже не могло придти в голову ничего подобного тому, как мне сказали в полиции, что я подозреваю в российском шпионстве». «Следствие, — рассказывает Б.А. далее, — велось самым возмутительным образом. Со мной, например, посадили шпиона, что значительно ухудшило мое положение. Но несмотря на все хитрости и уловки, на то, что десять раз изменяли параграфы обвинений, они, конечно, ничего не могли сделать и теперь как-нибудь хотят замять это дело».

Б.А. пробыл в тюрьме ровно десять недель. 27-го октября его выпустили на свободу. За отсутствием состава преступления дело до суда не дошло⁴. Но всем арестованным (а их было восемь), в том числе и Б.А., был запрещен въезд в Австрию. Этот запрет длился довольно долго, и после хлопот австрийских профессоров был отменен для Б.А. Кистяковского, кажется, только в 1906 году, когда он уже был известным ученым^{11*}.

История с арестом в Галиции не прошла бесследно для Б.А. и в России.

Австрийская полиция сообщила об этом киевскому губернскому жандармскому управлению. Когда Б.А. с товарищами по путешествию вернулся в Киев, они были арестованы. Началось дознание. В «Обзоре важнейших дознаний за 1889 г., проводившихся в жандармских управлениях империи по государственным преступлениям» (№ 14. С. 88)⁵ читаем следующее: «По уведомлению австрийских властей у названных студентов (Кистяковского, Маршинского, Дегена) найдены письма из Киева, Парижа,

---

²Письмо Богдана Александровича к матери.

³ П.Л. Тучапский рассказывает, что арест Богдана Александровича и его товарищей был связан с предвыборной агитацией в Галиции («Из пережитого»). Это, как видим, неверно.

⁴Тому, что дело не дошло до суда способствовал г-н Хомец, который в то время возглавлял административную и политическую полицию. Это был поляк, в прошлом радомысльский помещик, эмигрировавший в Австрию после восстания 1863 года. Во время восстания В.Б. Антонович прятал его у себя, а теперь, когда был арестован Б.А. Кистяковский, В.Б. Антонович написал Хомцу письмо, напомнив о старых временах. Хомец сделал что мог. Когда Б.А. Кистяковский писал о своем деле, он не знал, что уже были переговоры с Хомцом.

⁵Архив Киевского губернского жандармского Управления

Женева и Болгарии, среди них от эмигрантов, содержание коих показывает, как будто бы, на участие этих лиц в революционной деятельности. Большая часть писем адресована Кистяковскому, а в одном из них эмигрант Драгоманов (из Болгарии) уведомляет его о высылке через Бухарест печатных изданий, советуя для подобных пересылок организовать склад в Яссах и, между прочим, указывается, в каких местах Галиции он может найти помощь и участие для предприятия. В письме из Женева эмигрант Бурцев говорит о проекте воззвания для обеспечения единства русского народа, союза революционеров с "обществом", с чем будто бы не соглашается Драгоманов».

Одновременно с теми обстоятельствами, о которых идет речь, киевскому жандармскому управлению были даны указания, что из Львова в Киев должна быть отправлена партия заграничных книг и брошюр «на малороссийском языке», — причем доставка их связана якобы с путешествием Дегена, Кистяковского и Маршинского.

Ввиду ареста во Львове указанных лиц, в Киеве был произведен обыск у студентов, которые состояли с ними в общении; Константина Арабажина, Евгения Дегена, Антона Синявского, причем у последнего была изъята программа под названием «Помощь народу», в которой говорилось об экономическом преобразовании и организации федерации равноправных народов. В ходе дознания, начавшегося по этому поводу, выяснилось, что в Киеве якобы есть еще один кружок, который ставит своей целью распространение запрещенных и тенденциозных украинофильских брошюр.

В «Ведомости дознаниям, производившимся в жандармских управлениях по государственным преступлениям в 1890 г.» (№ 15. С. 10)⁶ сказано: «Прослушавший полный курс в Университете св. Владимира из мещан г. Новомиргорода Херсонской губ. Аполлинарий Серапионов Маршинский, 25 лет, кандидат университета св. Владимира дворянин Сергей Викторов Деген, 25 лет, и бывший студент университета св. Владимира, поступивший в Харьковский университет, дворянин Федор Александрович Кистяковский, 22 лет, привлечены к дознанию по причине обнаружения их сношений с зарубежными польскими (sic) кружками. При обыске у Маршинского обнаружены запрещенные издания "Юрий Горовенко", "Повести Ивана Нечуя" и "Святое Письмо"»^{12*}.

Вместе с Б.А. Кистяковским и его товарищами в 1889 году во Львове были арестованы И. Франко, Михаил Павлик и некоторые другие из львовской университетской молодежи. Франко полагает, что это было «следствием какого-то подлого доноса, и нужно было только для нагнетания страха». «Нас, — пишет он, — продержали три месяца под следствием и, несмотря на многочисленные обыски и судебные дознания, прокатившиеся по всей губернии, не нашли ничего даже для вынесения хотя бы какого-нибудь обвинения, после чего нас отпустили на свободу, причем русским было запрещено дальнейшее пребывание в Австрии»⁷.

Один из тех молодых людей, кого привлекли к следствию, но не арестовали — известный галицийский статистик Владимир Охримович, вспоминает о своей встрече с киявлянами в 1889 году во Львове и о следствии. «Было это, — пишет он, — в конце летнего семестра 1889 года, перед летними каникулами... В "Академическом братстве", куда я" заходил ежедневно, стало известно, что в Львов приехали из российской Украины два студента университета. По тем временам такое известие звучало необычно, поэтому мы все, члены "братства", страшно хотели узнать поближе наших заграничных товарищей. Это наше желание вскоре исполнилось, так как один из них, а именно Богдан Кистяковский, в ближайшие дни посетил "Академическое братство", где я с ним и познакомился. После этого я с несколькими моими товарищами посетил его в гостинице и там мы познакомились с его приятелями Аполлинарием Маршинским и с Дегенами и даже ходили в гости "на чай" к Дегенам.

... И Деген, и Кистяковский, и Маршинский — все были люди очень симпатичные,

⁶ Там же.

⁷ Д-р Иван Франко. Очерк истории украинско-русской литературы. Львов, 1970. С. 372—373 (на укр. яз.).

мы очень мило провели у них чайный вечер и подружились с ними. Из разговора выяснилось, что все они приехали в Галицию для того, чтобы по рекомендации врачей провести лето в горах, прошедшим летом они ездили в Крым, а теперь приехали сюда, чтобы побывать на Галицийских Карпатах. Они расспрашивали, куда бы им лучше всего отправиться: намерение жены И. Франко поехать в село Нагуевичи, по-видимому, не исполнилось. Дегены и И. Франко поехали в турецкий уезд, к священнику о. Кузьеву, а Кистяковского и Маршинского Охримович пригласил к себе в долину, в Сенечолу, где его отец был священником. Маршинский жаловался на грудь, а Кистяковский — на нервы. Чтобы компания была большой, Охримович пригласил к себе также и трех своих львовских друзей, А. Колессу, Г. Величко и Ю. Бачинского. Все шестеро провели в Сенечоле в доме Охримовича несколько недель, после чего отправились в короткую туристическую поездку в пограничные русско-угорские горы. "Мы отправились, — пишет Охримович, — через Ялинковате, Волосенку, Ополец, Вишнев и Жупане в Воливец за Бескидом, побывали на вершине Бержави; откуда спустились в Мукачев, осмотрели местный василианский монастырь и оттуда по железной дороге вернулись на галицийскую сторону в Тухлю, оттуда дошли пешком до Скольго, где и расстались". Охримович вернулся в Сенечолу, а его киевские и львовские товарищи поехали во Львов.»

Из следствия, к которому был привлечен Охримович, видно, что следователь объехал все те места, где побывали киявляне и Охримович с друзьями, и допытывался, не вели ли они политической пропаганды. Следователь заявил Охримовичу: «Вас обвиняют в том, что вы вместе с друзьями хотите отделить Галицию от Австрии, а Украину от России и из Галиции и Украины создать независимое украинско-русское государство под названием "Киевское королевство". Следствие вскоре было прекращено. Для обвинения в государственной измене, каравшейся смертной казнью через повешение, не было доказательств»⁸.

Арест Б.А. Кистяковского повлек за собой его исключение из Киевского университета. В начале 1890 года он отправился в Харьков. Жандармерия не возражала против поступления Б.А. в Харьковский университет, но были некоторые препятствия со стороны инспектора студентов. На помощь Кистяковскому пришли некоторые профессора Харьковского университета, ученики и друзья покойного отца Б.А. (А.И. Загоровский, Н.Ф. Толочинов), которые обратились к попечителю⁹. Б.А. был принят на историко-философский факультет, где продолжил изучение русской и украинской истории под руководством профессора Д.И. Багалея^{13*}, одного из старейших учеников и представителей школы В.Б. Антоновича. Для семинара проф. Д.И. Багалея Б.А. Кистяковский написал работу, кажется, по истории слободской Украины.

В Харькове Богдану Александровичу довелось пробыть недолго. Вскоре произошла какая-то студенческая история, и его, как уже зарекомендовавшего себя в качестве «неблагонадежного», исключили в первую очередь.

После этого он поехал в Дерпт, где в интересах русификации немецкого до тех пор университета принимали даже исключенных из других университетов. Б.А. поступил уже не на историко-философский, а на юридический факультет. Это произошло в августе 1890 года. В Дерпте, который вообще жил только университетом, Б.А. начал серьезно заниматься наукой. Он плохо или даже совсем не знал иностранные языки, что сказывалось на его работе. По этой причине в Дерпте Б.А. особое внимание уделял изучению языков. Он изучил не только немецкий, французский и английский языки, но занимался и славянскими языками.

«Теперь я совершенно здоров, — пишет он матери из Дерпта 15—27 сентября 1891 г., — ревматизм и все болезни окончательно прошли, на меня опять нашла

---

⁸ Приветствие Ивану Франко к сорокалетию его литературной деятельности (1874—1914). Литературно-научный сборник. Львов, 1916. Часть первая, литературная. «Моя история с виселицею. Воспоминания Владимира Охримовича». С. 161—164 (на укр. яз.). Письмо Б.А. Кистяковского к матери.

горячка работы, и я работаю по целым дням, побуждаемый завистью. А завидовать мне, к счастью, есть кому. Недавно, например, сюда перебрался некто Водовозов, сын педагога и автора "Жизни европейских народов" и пасынок Семевского^{14*}. Он двумя годами моложе меня, вполне свободно владеет тремя языками и кроме того очень начитан и образован. Я уже не говорю о моих товарищах-магистрах, из которых многие владеют французским и немецким как своим родным языком и знают английский. Конечно, мне очень трудно конкурировать при плохом знании немецкого и французского и полном незнании английского. Поэтому вся моя работа пока устремлена на языки. Не знаю, удастся ли мне еще в этом семестре приняться за английский, так как у меня еще очень много затруднений с немецким и французским. Кроме того я продолжаю свои занятия славянскими языками. Это мне необходимо для моей специальности, т.е. для правоведения (как способ добывать исторический правовой материал). Между тем я знаю вполне хорошо только два славянских языка, из которых польский лучше, а болгарский — хуже. В этом году я принялся за сербский и чешский, которые я очень плохо знаю. Курс сербского языка вместе с народными сербскими песнями я слушаю на лекциях. Курс этот я слушаю у своего любимого профессора (И.А. Бодуэна де Куртенэ?)^{15*}. Я его называю своим, так как вот уже второй год я являюсь у него единственным слушателем. Час этот для меня самый приятный из всех университетских занятий и представляет для меня скорее отдых, чем работу. Мы целый час проводим в философской беседе о славянских языках, так как маленькая аудитория, состоящая только из профессора и студента не позволяет торжественно вести лекцию.»

Б.А. аккуратно посещал юридические лекции, а также изучал эстонский язык. В Дерпте Б.А. сблизился с кружком польских студентов и, говорят, его приняли было в польское землячество. С некоторыми членами польского кружка у него сохранились тесные связи до самой смерти, как например, с Натансоном, С.Г. Стемп-ковским (который был министром земледелия УНР при поляках) и др.

В Дерпте началось у Б.А. увлечение марксизмом. Когда в 1891 году Б.А. Кистяковский прибыл в Дерпт, там уже существовал марксистский кружок; его основал в 1888 году — в то время, когда я был студентом в Дерпте, — доктор Лесник, польский еврей (теперь уже покойный), окончивший Бернский университет в приехавший в Дерпт, чтобы сдать экзамен за медицинский факультет. Это был талантливый человек, лет под тридцать, высокообразованный, убежденный марксист, хорошо знавший произведения Маркса и марксистскую литературу того времени. Пробыв в Дерпте около года и готовясь к экзаменам, доктор Лесник не терял времени, а очень интересно и толково вел пропаганду марксистских идей. Под его руководством образовался небольшой кружок студентов. В числе этих студентов был и я, и кое-кто из поляков. Под руководством д-ра Лесника кружок прочитал по-немецки и по-французски первый том «Капитала», выписывал «Neue Zeit», а также все издания Dietz'a, которые свободно пропускала дерптская цензура. Часть этого кружка застал в Дерпте еще и Б.А.^{16*}.

Б.А. ничего не умел делать наполовину. Так и здесь. Он основательно изучил Маркса и марксистскую литературу того времени, увлекся ею и приехал в Киев на каникулы, будучи уже апостолом этого нового в то время в России и на Украине учения. В Киеве Б.А. начал пропаганду марксизма и успешно привлек к новому учению молодых студентов и курсисток. При его активном участии была переведена в Киеве на украинский язык Эрфуртская программа. Он не только принимал личное участие в переводе, но, по-видимому, и редактировал чужие переводы. Эрфуртскую программу нелегально издали во Львове¹⁷. Однако в то время Б.А. еще не принадлежал ни к какой организации. Имея большие связи и благодаря им, он регулярно доставал новейшую марксистскую литературу, которой снабжал своих друзей и знакомых¹⁰.

---

¹⁰ П.Л. Тучапский. Из пережитого. С 45—50.

Такая активная деятельность рано или поздно должна была привлечь к себе внимание со стороны жандармерии. 4 июля 1892 года Б.А. Кистяковский был арестован в Почаеве на Вольни по подозрению в «бесписьменности». Когда его привели на квартиру к становому, он пытался убежать и уничтожить письмо за подписью «Галка». Это письмо было адресовано ветеринарному лекарю Женжиковскому из Радзивилова. Кистяковский побывал у него, переночевал, но дома его не застал, после чего направился в Почаев, где и был арестован. Квартиру Женжиковского опечатали, но несмотря на это Женжиковский, вернувшись домой, успел открыть письменный стол и уничтожить некоторые бумаги; после чего он отравился, оставив записку, в которой признавался в своих социалистических взглядах, подчеркнув лишь, что он никогда не был анархистом.

Письмо за подписью «Галка», вместе с запрещенными немецкими брошюрами, которые были найдены при Кистяковском, а также агентурные сведения о съезде каких-то иностранцев, происходившем якобы у Женжиковского, привели к новому дознанию жандармов о Б.А. Кистяковском. Дело было передано сначала в Киев, а затем в Юрьев (Дерят). У Кистяковского нашли адрес П.Л. Тучапского^{18*}. У этого последнего произвели обыск, при котором нашли два номера органа галицкой радикальной партии «Народ». На основе бумаг, найденных у Женжиковского, жандармерия напала на мысль о существовании в Юрьеве (прежнем Дерпте) во время пребывания замешанных в деле лиц особого местного кружка, в который входил Женжиковский, Б.А. Кистяковский, Павел Осипович Заорский и автор письма за подписью «Галка», — Станислав Губертович Стемповский, уроженец станицы Гута на Подоле (в Литинском уезде), который учился в Юрьеве в ветеринарном институте. Произведены были соответствующие обыски, причем было найдено: у Кистяковского — 50 номеров «Народа», у Стемповского — каталог книг по социологии и политэкономии, «изъятых из обращения», а у Заорского, работавшего химиком на заводе «Павлина» в с. Загоже Бендинского уезда Петраковской губернии, — два экземпляра «Вопросника», т.е. программы для собирания этнографических сведений в губерниях Царства Польского, четыре рукописи, написанные его рукой, в форме воззваний к польскому народу по поводу его равнодушия к притеснениям, «Историю революционного движения в России» Туна и гектограф, который Заорский при обыске выбросил в окно. Дело Заорского было выделено и передано в варшавский жандармский округ для расследования «преступной деятельности Заорского» среди рабочих Царства Польского.

После ареста Б.А. сидел в креминецкой тюрьме. Жандармы разрешили ему пользоваться учебниками. Он выписал из дома «Новый Завет» на французском и английском языках и целый ряд книг по философии, классической литературе и праву. Среди них были произведения Канта, Гегеля, Гердера, Ибервега, Шерра, Л. фон Штейна, Вундта, Гольцендорфа, Пухти, Тэна, Тарро и др. «Поверь мне, — пишет он матери 18/30 августа 1892 года — у меня хватит силы воли, чтобы сохранить и здоровье и способность к труду». «Живу я как и раньше, аккуратно и правильно, работаю целыми днями» (письмо 7/19 сентября 1882 года). «У меня все по-прежнему, благополучно — пишет Б.А. 17/29 октября, — как и всегда я по целым дням занимаюсь. Раньше я все читал книги исторического и теоретического характера. Они занимали и развлекали меня, но не поглощали всей моей умственной деятельности. Последние несколько дней я занялся исключительно немецкой философией. Грандиозная немецкая метафизика всецело меня поглотила. Своею умственной деятельностью я отвлекаюсь от самого себя и слежу за различными проявлениями мировой субстанции в окружающем меня реальном мире. Такое отношение к действительным предметам очень успокоительно. Мой субъективизм поглощается в объективном созерцании. Иногда мне кажется, что тихие размышления уединенной моей дерптской жизни вместе с самим Дерптом приходят ко мне...»

«По целым ночам (письмо 2/14 ноября) я продолжаю думать и разрешать те же философские вопросы, которые занимают меня днем. Мои мысли иногда переходят в

мечтания. Это лишает их правильности и логичности. Днем я стараюсь порвать нить своих мыслей в таких случаях, но по ночам очень трудно уследить за постепенным и незаметным их приходом».

Поэтому Б.А. был недоволен своими занятиями, хотя и хвалился, что английский язык он «совершенно изучил».

Что касается дела Кистяковского, Тучапского и Стемпковского, то оно шло своим ходом. По «высочайшему повелению» 27 октября 1893 года им вынесен был приговор: Тучапского — «подвергнуть аресту при тюрьме» на три месяца, Кистяковского — на два. Кроме того, Кистяковский был отдан под надзор полиции на один год, причем все дела, заведенные на него, ликвидировались. Что касается Стемпковского, то он был отдан под надзор полиции сроком на два года в том месте, которое он сам избрал себе для проживания. Объяснение, предъявленное Кистяковскому по поводу его сношений с зарубежными революционными кругами не нашло себе подтверждения в материалах следствия, а Тучапский был признан виновным только в хранении нелегальной литературы¹¹.

Свой арест Б.А. Кистяковский отбывал в Киеве в Лукьяновской тюрьме в конце 1893 - начале 1894 года, где усиленно трудился. Из Юрьевского университета он был исключен еще в 1892 году.

Для своего пребывания под надзором полиции Б.А. Кистяковский выбрал город Либаву^{19*}, т.к. в Киеве ему остаться не разрешили. Он хотел научиться немецкому языку, и это была главная причина, по которой он выбрал Либаву. Было ясно, что двери российских университетов для него закрыты. Нужно было думать о загранице. Совершенно ясно, почему Б.А. Кистяковский выбрал Германию. Пребывание в Юрьеве (Дерпте), где еще в то время университет фактически был немецким, подготовило для этого хорошую почву.

В Либаве, как о том свидетельствуют письма Б.А. к матери, он прожил несколько месяцев в 1894 году; образ жизни вел одинокий и никаких знакомств не заводил. Зато он усиленно занимался философией, выписывая книги из Киева, главным образом из библиотеки своего отца. Личность отца, его научное значение теперь очень сильно занимали его. Еще будучи в Дерпте, он интересовался биографией отца, собирався писать ее и поручал матери узнать у братьев, не будут ли они иметь что-либо против этого. «Мне хотелось бы, — пишет он матери 17 марта 1894 года, — чтобы в этом биографическом очерке отражалась хоть отчасти его нравственная физиономия, его человеколюбивая личность, я хотел бы привести, как бы невзначай, несколько штрихов его внутренней жизни и т.д.»

Не написав, однако, биографии отца, Б.А. тем не менее, изучил его труды и написал в Либаве довольно большую статью «Влияние Монтескье и Беккариа на А.Ф. Кистяковского». Статья должна была появиться в январской книжке «Киевской старины» за 1895 год, которая была посвящена десятилетию со дня смерти А.Ф. Кистяковского. Статья была велика по размеру и чересчур специальна. Тогдашний редактор журнала В.П. Науменко просил Б.А. сократить ее. Б.А. на это не согласился, и статья не появилась в печати. Тогда же в Либаве Б.А. начал думать и о новом издании диссертации А.Ф. Кистяковского «Исследование о смертной казни». Он предполагал обратиться к Солдатенкову, но позднее ее издал Л.Ф. Пантелеев^{20*}.

IV

13 января 1895 года истек срок «надзора полиции» за Б.А. Кистяковским. В тот же день он выехал в Митаву^{21*} заграничным паспортом, достал его за один день и, вернувшись в Либаву, 16/28 января выехал за границу. 18 января он еще прислал

---

¹¹ Тучапский П.Л. Из пережитого. Девяностые годы. Одесса, 1923. С. 23 и сл. // Архив Киевского губернского жандармского Управления. XVII ведомость дознаниям, производившимся в жандармском управлении империи по государственным преступлениям за 1892 и 1893 годы. С. 5-6, 36, 38, 39, 111, 141.

письмо матери из Бреславля, а 20 января/ 1 февраля 1895 года писал из Берлина: «Итак, я в Берлине. Вчера приехал сюда в четвертом классе, в порванных башмаках и с полным чемоданом грязного белья. Это хороший признак, потому что так приезжают только домой. Когда-то ты пожалела, что я не остался за границей. Надеюсь, ты теперь не будешь жалеть, что я выехал за границу. Я уже тебе писал (из Бреславля), насколько мой отъезд был поспешен. Получив паспорт, я не хотел терять ни одного лишнего дня. Вся дорога была полна тревоги, беспокойства и волнений. Я сам не верил своему счастью; мне все казалось, что какая-нибудь случайность меня задержит. Только семнадцатого, когда я ночевал на пограничной станции с прусской стороны, я, наконец, почувствовал, что я опять буду жить по-человечески, посещать университет и работать в библиотеках».

Это был очень смелый шаг со стороны Богдана Александровича. Мать могла посылать ему не больше 25—30 руб. в месяц. Он жил, таким образом, очень трудно; обедал в дешевых столовых и должен был во всем себе отказывать. Свои путешествия во время каникул — по Германии, Шварцвальду, берегам Рейна, — он проделывал не иначе как пешком с мешком за плечами, на манер немецкого Handwirkburcher¹², за которого он себя охотно выдавал. Во время таких путешествий Б.А. мог останавливаться только в гостиницах третьего класса. Все это не прошло бесследно для его здоровья. Плохое состояние желудка и даже развитие болезни печени у Б.А. многие приписывали впоследствии ненормальным условиям его жизни по тюрьмам и в студенческие годы в Германии.

В Берлине Б.А. Кистяковский пробыл до 1897 года; он поступил на философский факультет Берлинского университета и изучал здесь право и философию, усердно занимался у Зиммеля. В Берлине он жил иначе, чем в Либаве: он любил встречаться с людьми и искал знакомств. 25 июня 1896 года Б.А. пишет матери: «В понедельник ко мне приехал мой приятель, литератор из Петербурга, автор "Критических заметок об экономическом развитии России"¹³. Первый день мы почти целиком проболтали и затем много шлялись вместе по городу и посещали знакомых. Хотя я с ним одним провел больше времени, чем со всеми остальными приезжими, раньше здесь бывшими, вместе взятыми, я несколько не жалею о потере. Общение с ним для меня в высшей степени полезно. Он очень талантливый человек, обладает громадными знаниями, чудной памятью и ясной логической мыслью. Работает он поразительно быстро и много. Неудивительно поэтому, что он известен всей России, хотя он одних лет со мной. Сегодня вечером у меня опять были русские, даже четыре души, и в том числе одна дама, несомненно принадлежащая к числу самых выдающихся русских женщин... Мои знакомые уезжают завтра, а я уже получил письмо, что завтра же приезжает Пантелеев, в воскресенье же или понедельник у меня остановится на несколько дней Коля Могилянский...».

Мать Б.А. опасалась, как бы такая жизнь не помешала студенческой работе Б.А. и, видимо, писала ему об этом. «Поверь мне — отвечал ей Б.А., — что я и сам беспокоюсь при мысли об экзамене и докторской диссертации».

Весной 1897 года Б.А. переехал в Париж. Проработав несколько месяцев в Национальной библиотеке, он, кажется, слушал лекции в университете и на летний семестр отправился в Страсбургский университет.

Здесь Б.А. начал работать у Виндельбанда и очень увлекался его лекциями и семинарами. Кроме того, он посещал лекции и семинары Кнаппа, Циглера и др. Итогом его философских занятий того времени явилась тема, которую Б.А. избрал для своей докторской диссертации и над которой начал усиленно работать — *Gesellschaft und Einzelwesen*¹⁴. Эта очень большая сложная тема требовала серьезной подготовки и ясно и четко сформулированных научных взглядов, а этого было трудно ожидать от

---

¹³Подмастерье (нем.). ¹³П.Б. Струве.

¹⁴Общество и индивид (нем.).

студента. Вот почему Виндельбанд и Кнапп отговаривали Б.А. от этой темы, считая ее слишком широкой и сложной для молодого ученого, а замысел Б.А. взяться за нее сочли чересчур дерзким. Но Б.А. не согласился с ними. Его страсбургские учителя не знали того чрезвычайного упорства и силы воли, которую проявлял Б.А., когда он ставил перед собой какую-нибудь цель и стремился к ее достижению. Позднее, в 1899 году, он издал свою диссертацию в Берлине, значительно пересмотрев и переработав ее. Она вышла в свет под таким названием: «Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Untersuchung der Doctorwürde der philosophischen Fakultät der Keiser Wilhelm Universität zu Strassburg vorgelegt von Theodor Kistiakowski (aus Kiew in Russland). Berlin, 1899»^{22*}. Свою первую научную работу Б.А. посвятил своим учителям профессорам В. Виндельбанду и Г. Зиммелю в знак благодарности и уважения. Он придал ей исключительно методологический характер в строгом смысле этого слова. Пользуясь логическими категориями, автор ставит своей целью из сущности общества вывести методологические принципы и разграничить социальные дисциплины. Особое внимание обращает он на то, чтобы установить и прояснить глубокую противоположность между исследованиями в области социальной действительности и нормативных наук.

Сочинение Б.А. Кистяковского встретило очень благосклонное отношение к себе со стороны немецкой научной критики. В философском журнале «Kantstudien» (Berlin, 1900. Band V. Heft 2. S. 252—255) работу Б.А. Кистяковского назвали «очень интересным этюдом по методологии прежде всего социальных наук. Способ обсуждения темы таков, что оно начинается с общих основ учения о науке и благодаря этому представляет интерес не только для социологов». Vierkandt в «Zeitschrift für Socialwissenschaft» (Berlin, 1910. Heft 10. S. 748—749) подчеркнул, что работу Б.А. Кистяковского за ее ясность и фундаментальность следует назвать превосходной. Karl Dichl в Konrad'овских «Jahrbucher für Nationalökonomik und Statistik» (III Folge, 22Band, Sechstes Heft, December 1900. Erstes Halbheft. S. 878—879) писал: «Несмотря на мое несогласие с автором в главном пункте, его заслуги ни в коем случае не могут быть отрицаемы. Напротив, работа Кистяковского своей ясностью и строгим проведением основной мысли возбуждает так много вопросов, что она принесет большую пользу всем, кто интересуется спорными вопросами методологии социальных наук». Пауль Эрнст, пользуясь книгой Б.А. Кистяковского написал статью в «Beilage zum Allgemeine Zeitung» (1900. 29 März Nummer 73) «К методологии социологии» («Zur Methodologie der Sociologie») и познакомил читателей с основными мыслями автора. Dr. Gottfried Koch в «Archiv für Öffentliches Recht» (XVI Band, Erstes Heft. 1901. S. 144—146) высказался по поводу работы Б.А. следующим образом: «Сила автора меньше заключается в конструировании новых понятий, чем в критике старых. И здесь многое из того, что он говорит, гораздо удачнее, — например, то, что он приводит против органического учения о государстве, или против таких пустых понятий, как народная психология и народный дух. Книгу, которая основана вообще на обстоятельном знании всех проблем, относящихся к теме, читать нелегко. Она требует большого умственного труда, который, тем не менее, будет вознагражден».

Книжку Б.А. заинтересовался и такой видный теоретик государственного права, как Георг Еллинек. В позднейших изданиях своей книги «Allgemeine Staatslehre» он ссылается и на «Gesellschaft und Einzelwesen» Б.А. Кистяковского.

Книга Б.А., таким образом, обратила внимание немецких ученых на молодого ученого^{22*}. Если он и раньше был в близких отношениях с Виндельбандом и Зиммелем, то теперь эти связи стали еще теснее. Богдан Александрович познакомился и с другими известными профессорами и социологами, между прочим, и с профессором статистики в Берлине Борткевичем^{24*}, воспитанником Петербургского университета. К Борткевичу Б.А. всегда относился с большим уважением и сочувствием.

Публикуя свою работу в Берлине, Б.А. встретил там целый ряд молодых талантливых ученых, которые готовились к профессуре и работали у берлинских про-

фессоров. Здесь были П.И. Новгородцев, А.А. Чупров и др.^{25*}. С некоторыми из них у Б.А. установились близкие отношения и таким образом он вошел в круг выдающихся научных и общественных деятелей, которые в то время только начинали свою карьеру.

Перевод с украинского и примечания В.В. САПОВА

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

Биографический очерк о Б.А. Кистяковском, написанный Н.П. Василенко, был впервые опубликован на украинском языке в «Записках соціально-економічного відділу», издаваемых Украинской Академией Наук (Киев, 1923. Т. 1. С. VIII—XLI).

Записки выходили тиражом 650 экз. и к тому же в скором времени по непонятным (точнее, слишком понятным) причинам оказались в «спецхране», так что ознакомиться с биографией одного из самых крупных русских социологов XX века было не только широким кругам читателей, но и специалистам.

Несколько слов об авторе. Николай Прокофьевич Василенко (1866—1935) — историк, общественный и государственный деятель, автор многих трудов по истории Украины и Западной России. Им написаны такие исследования как «Исторические сведения о роде дворян Рахманиновых» (Киев, 1895), «Первые шаги по введению положений 19 февраля 1861 г. в Черниговской губернии» (Киев, 1901), «О.М. Бодянский и его заслуги для изучения Малороссии» (Киев, 1904), «Очерки по истории Западной Руси и Украины» (Киев, 1915, 2-е изд. — 1916) и др.

Член партии кадетов.

В мае—октябре 1918 г. Н.П. Василенко был министром народного просвещения в правительстве Украинской Державы (гетмана П.П. Скоропадского). Принимал непосредственное и самое активное участие в организации Украинской Академии Наук. С 1920 г. — академик Украинской АН (УАН). После добровольной отставки ее первого президента В.И. Вернадского Н.П. Василенко 18 июля 1921 г. был избран президентом, но его кандидатура не была утверждена Наркомпросом УССР, поэтому в официальных источниках вторым президентом АН УССР значится В.И. Липский.

В 1923—1924 гг. Н.П. Василенко проходил как обвиняемый по делу так называемого «Киевского областного центра действий». Он был признан виновным и осужден, но освобожден по ходатайству научной общественности. В последние годы жизни он возглавлял академическую кафедру истории западно-русского и украинского права и Историческое общество Нестора-летописца при УАН. Поскольку официальный источник (Украинский Советский энциклопедический словарь. Киев, 1982. Т. 1, С. 262; впрочем, здесь указана и другая дата его рождения: 1 апреля 1877 г.) не сообщает полной даты его смерти, а указывает лишь год, — это, естественно, наводит на печальные размышления...

Подробнее см.: *Вороненко В.В. и др. Другий президент (Історично-біографічний нарис про М.П. Василенко) // Веста. АН УРСР. № 2. С. 55—82; Из эпистолярного наследия В.И. Вернадского. Письмо украинским академиком Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу (Киев, 1991).*

О ходе работы Н.П. Василенко над биографией Кистяковского кое-что известно со слов М.В. Кистяковской. 23 ноября 1923 г. она написала письмо старинному другу их семьи М.О. Гершензону. Письмо это вызывает огромный интерес и помимо того, что сообщается в нем о работе Василенко, поэтому приведем из него обширную выдержку:

«По поводу издания книги (имеется в виду книга Б.А. Кистяковского, о которой см.

ниже примечания — 44) был поднят вопрос о биографии Б.А. Писать ее взялся Н.П. Василенко, кот(орый)уже тогда подготавливал украин(скую)биографию — теперь она окончена и печатается. Я доставила Н.П. все материалы, какие могла добыть, но самого главного — писем Б.А. ко мне — у меня не оказалось, т.к. они оставались в Москве и квартиранты сожгли их. Было их огромное количество и гибель их была для меня большим горем. Но теперь мне посчастливилось найти переписку Б.А. с матерью, начиная с 1878 г. и кончая 1914 г. После 1914 г. имеется очень немного писем, а с 1917 ни одного. Письма эти я привожу в порядок и читаю с огромным интересом, — можно сказать, живу двойной жизнью. Т(ак) к(ак) Н. Пр. не оставил мысли написать более подробно биографию по-русски, то я отбираю для него некоторые из писем. Очень мало материала имеется у него для Московского периода. По этому поводу я советовала ему обратиться к Дм(итрию) М(оисеевичу) (Петрушевскому. — *В.С.*) и к Вам, т.к. Вы могли бы дать богатейшие сведения. Но я думаю, вернее надеюсь, что Вы и сами напишете воспоминания о Б.А., т.к. кто же лучше Вас мог бы это сделать? М(ожет) б(ыть) Вы уже и записали что-нибудь? Ведь если сейчас их и не удастся издать, то потом, в более или менее отдаленном будущем, наверно можно будет устроить печатание. Как Вы думаете, не согласилась ли бы Елиз(авета) Ник(олаевна) (Орлова. — *В.С.*) написать об участии Б.А. в Крити(еском) Об(озрении) и передать эту заметку мне для Н.П. или Вам? По поводу писем Н.П. высказал предположение, что их нужно целиком или в извлечениях использовать для биографии. Тут мысль моя обратилась к Вам и мне пришло в голову, что может быть следовало бы при Вашей помощи и указаниях подготовить переписку к печати, или предоставить это Вам. Но тут встает основной вопрос, на который я хотела бы получить совершенно объективный ответ, хотя и ставлю его буквально с замирианием сердца: представляет ли личность Б.А. такой общественный интерес (для лично знавших его — дело другое), чтобы следовало издавать в свет его письма? Если бы он был писателем-художником, то сомнений не могло бы быть, но для ученого-специалиста (хотя Б. и был гораздо шире) — интересна эволюция его духовной жизни и обстоятельства материальной? Вы лучше можете судить об этом, а без предвари(тельного) решения этого вопроса нельзя действовать так или иначе. Если Вы ответите отрицательно, то я сохраню письма для детей, а затем, лет через 40—50 другой (Мих(аил) Ос(ипович) Гершензон разберет их и напечатает как материал для истории быта и условий развития ученых конца XIX и начала XX веков» (ОР РГБ. Ф. 746. К. 34. Ед.хр. 42. Л. 1—3).

Как символично совпадает по смыслу конец письма Марии Вильяминовны с последней строкой статьи Василенко!

И если уже зашла речь о символах, то самым важным, пожалуй, будет такой: в наше простое время жизнь и труды Б.А. Кистяковского послужат символом нерасторжимого единства двух великих славянских народов.

«История — это воскрешение!» — любимое изречение французского историка Жюль Мишле. И чем больше мы успеем и сумеем «воскресить» тех, кого незаслуженно и преднамеренно замалчивали все предыдущие годы и десятилетия, тем вернее убедимся в одной непреложной истине: Не порывается связь времен никогда!

1*Украинская Академия наук была учреждена в феврале 1919 г.; президиум ее находился в Киеве. Первоначально академия состояла из трех отделов: историко-филологического, физико-математического и социально-экономического (который и возглавлял Б.А. Кистяковский). В 1921 г. академия преобразована во Всеукраинскую АН, а в 1936 г. — в АН УССР.

В 1919 г. начали выходить «Записки отделов Академии» (на украинском языке), а в 1922 г. создано издательство Всеукраинской АН (теперешняя «Наукова думка»).

2*Об этой поездке, оказавшейся для Б.А. Кистяковского последней, следует рассказать подробнее. Первым президентом («головой») Украинской Академии наук был единогласно избран В.И. Вернадский (см.: Прометей. Т. 15: Вернадский В.И. Материалы к биографии. М., 1988, С. 66). В своих воспоминаниях «Первый год Украинской АН (1918—1919)» В.И. Вернадский пишет: «В конце августа или в начале сентября я получил телеграмму от Временного правительства, находящегося

в Ростове-на-Дону, адресованную: "Академику Российской Академия Вернадскому", в которой говорилось, что я должен принять все меры для сохранения научных и реальных ценностей, собранных в Украинской Академии Наук. Я решил поехать в Ростов-на-Дону для объяснения и переговоров. Проехать тогда было не просто. Мы поехали в товарном вагоне. Со мной поехали ряд академиков: Н.П. Василенко, В.А. Кистяковский, В.П. Тимошенко и др. В переговорах мне удалось добиться: 1) того, что вопрос об Украинской Академии Наук будет решен окончательно после выслушания мнения об этом университетов Украины. 2) Принципиально было признано, что Академия для научного изучения Украины и юга России желательна. 3) Вместо меня одного была установлена тройка из трех академиков: меня, В.П. Тимошенко и О. Левитского». *Вернадский В.И.* Из воспоминаний. Первый год Украинской АН (1918—1919) // АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 70. Л. 55; в рукописи — «В.А. Кистяковский» — случайная описка или автор перепутал Б.А. с его братом-академиком?)

В «Хронике большой жизни», составленной А.Д. Шаховской, зафиксировано: «1919. Ноябрь. В.И. выезжает по делам Академии Наук в Харьков, Ростов, вернуться уже не может из-за боевых действий и оказывается в конце концов в Новороссийске». (Прометей. Т. 15. С. 67).

³***Владимир Бонифатьевич Антонович** (1834—1908) — украинский историк, археолог и этнограф, профессор русской истории Киевского университета (с 1878 г.). В БСЭ о нем сказано: «Антонович противопоставлял украинский народ русскому, идеализировал казачество, выдвинул националистическую теорию о бесклассовости и "демократизме" украинского народа» (БСЭ, 3-е изд. М., 1970. Т. 2. С. 95).

⁴*«**Старая громада**» (громада — по-украински — мир, общество, община) — культурно-просветительская организация, созданная в Киеве в 1860 г. В.Б. Антоновичем, М.П. Драгомановым, П.П. Чубинским и др. В 1861—1862 гг. громадовцы издавали журнал «Основа» (вышло 9 номеров). В 1876 г. деятельность «Громады» по правительственному указу была запрещена, после чего часть членов «Старой громады» во главе с М.П. Драгомановым эмигрировала в Швейцарию, где издавала с 1878 г. сборники, а с 1881 г. журнал под названием «Громада».

⁵*Братья Б.А. Кистяковского:

Владимир Александрович (1865—1952) — выдающийся физико-химик, академик АН СССР (с 1929 г), с 1903 г. профессор Петербургского политехнического института.

Игорь Александрович (1872—1940) — юрист, приват-доцент Московского университета, член партии кадетов, в 1918 г. он был министром внутренних дел в правительстве гетмана Скоропадского. Подробности о нем см.: Архив русской революции, с. 229—230; неоднократно упоминает о нем Андрей Белый (связанный с Кистяковскими отдаленным родством) в своих мемуарах *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. Указатель имен).

Юлий Александрович — тоже был юристом, но, по-видимому, ничем выдающимся, сравнительно с братьями, себя не проявил. Известно лишь, что он был одноклассником будущего философа С.А. Асכולдова (см: Минувшее. Исторический альманах. М.-СПб., 1992. Т. 11. С. 316).

⁶*По-видимому, этот вечер состоялся в конце февраля 1889 г, когда широко, но фактически нелегально отмечалось 75-летие со дня рождения кобзаря. Об этих «роковинах» рассказывает П.Л. Тучапский, но при этом ошибочно относит их к 1890 г. *Тучапский П.Л.* Из пережитого. Девяносто годы. Одесса, 1923. С. 18—19).

Поэма «Кавказ» (1845) — одно из тех произведений Т.Г. Шевченко, «облитых горечью и злостью», в которых, по выражению М. Рильского, «сияет... непобедимое солнце шевченковского свободолюбия и ненависти к тиранам» (см.: *Шевченко Т.Г.* Кобзарь. Стихотворения и поэмы. М., 1972. С. 15, 297—301).

⁷***Петр Лукич Тучапский** (1869—1922), на воспоминания которого неоднократно ссылается Н.П. Василенко, фигура довольно примечательная. Судьба неоднократно сводила его с Б.А. Кистяковским, так что биограф последнего вынужден постоянно обращаться к воспоминаниям Тучапского, хотя, как понимал это уже и Василенко, с некоторой долей осторожности. Но самое главное не в этом. В 1898 г. П.Л. Тучапский был одним из девяти участников I съезда РСДРП и таким образом, вольно или невольно стоит в ряду предтеч того могучего движения, которое спустя без малого 20 лет «потрясло мир» и продолжало трясти его еще в течение 75 лет. Великий человек! Станным образом он оказался на обочине истории. Понятно, что марксистские историки умалчивали о Тучапском, так как первый съезд РСДРП, собравшийся без В.И. Ленина, рассматривался ими по сути дела как «преждевременный». Но и такой «буржуазный объективист» как Л. Шапиро тоже не догадывается, по-видимому о существовании Петра Лукича, оказавшего в свое время важные услуги российскому социал-демократическому движению, (см.: *Шануро Л.* Коммунистическая Партия Советского Союза. Лондон, 1990).

С Б.А. Кистяковским Тучапский познакомился в конце 1880-х годов и испытал сильное влияние с его стороны (подробности см. ниже: примечание 18). В 1900 г. Тучапский, как марксист, был сослан в Вологду на четыре года, куда была послана также жена Б.А. Кистяковского, и где бывшие друзья, таким образом встретились снова. В Вологде их сблизило общее дело: Тучапский перевел на русский язык книгу А. Менгера «Новое учение о государстве», а Б.А. Кистяковский взял на себя редактирование этого перевода. Идею эволюцию Б.А. Кистяковского «от марксизма к идеализму», ставшую очевидной после «Вех», Тучапский весьма не одобрил, но в 1910 г. он и сам временно отошел, от активной политической работы. 1917 год Тучапский встретил меньшевиком, редактировал газету «Южный рабочий».

В 1921 г., уже после смерти Кистяковского, Тучапский по приглашению Украинской АН занял пост библиотекаря Академии. Умер он в Киеве 4 июня 1922 г.

Правильное название книги П.Л. Тучапского: «Из пережитого. Девяностые годы» (Одесса. Госиздательство Украины, 1923). Н.П. Василенко, ссылаясь на нее, называет ее то так, то этак, что в дальнейшем не исправляется и специально не оговаривается.

^{8*} **Галиция** (совр. Львовский, Ивано-Франковский и Тернопольский р-ны Украины) в то время входила в состав Австро-Венгрия.

Русско-украинская радикальная партия была основана И. Франко, М. Павликом и О. Терлецким в 1890 г.

^{9*} **Михаил Петрович Драгоманов** (1841—1895) — украинский историк, публицист и общественный деятель. В 1876 г. эмигрировал в Швейцарию, где издавал (с 1878 г.) сборник, а затем журнал «Громада» (на укр. яз.). Идеи Драгоманова оказали настолько сильное влияние на Б.А. Кистяковского, что эта тема требует не краткого комментария, а по крайней мере диссертации.

^{10*} Нагуевичи — родное село Ивана Франко, ныне с Ивано-Франково Дрогобычского р-на Львовской обл.

^{11*} Вероятно, об отмене этого запрета идет речь в одном из писем Э. Ласка к Б.А. Кистяковскому (конец января 1906 г.): «Дорогой друг! Не беспокойтесь насчет австрийского прошения, я сформулирую его и перешлю Вам завтра или послезавтра, чтобы Вы могли его скопировать. С сердечным приветом — Ваш Эмиль Ласк» (Вопр. социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 164).

^{12*} Отрывок, начинающийся со следующего абзаца до абзаца «Арест Б.А. Кистяковского повлек за собой...» в оригинале назывался «Прибавление к некрологу Б.А. Кистяковского» (С. XII—XIII) и был помещен в «Записках социально-экономического отдела» в конце статьи на с. XL—XLI. Я поместил его там, где он должен быть по логике изложения.

^{13*} **Дмитрий Иванович Багалей** (1857—1932) — украинский историк, в 1906—1910 гг. ректор Харьковского университета, с 1919 г. — академик Украинской Академии наук.

^{14*} **Николай Васильевич** 1825—1886), педагога, последователя К.Д. Ушинского. Отчим Н.В. Водовозова — Василий Иванович Семевский (1849—1916) — историк, приват-доцент Петербургского университета, отстраненный в 1886 г. от преподавания за «вредное направление». Н.В. Водовозов был женат на М.И. Водовозовой, книгоиздательнице, сестре жены С.Н. Булгакова. **Водовозов** (1870—1896) — русский марксист, сын Василия Ивановича Водовозова (

^{15*} **Иван Александрович Бодуэн де Куртене** (1845—1929) — русско-польский языковед, в 1883—1893 гг. профессор Юрьевского (ныне Тартуского) университета.

^{16*} О Кистяковском, как о члене польского марксистского кружка в Дерпте упоминает и В.М. Чернов, будущий лидер партии эсеров, который в начале 1890-х годов учился в Дерптском университете по тем же причинам, что и Кистяковский. Впрочем, тесных личных контактов у них там не было. Чернов передает только свое зрительное впечатление от Кистяковского: «высокий худощавый, "Дон-Кихот"» (*Чернов В.М.* Записки социалиста-революционера. Берлин—Пб.—М., 1922. Кн. 1. С. 59).

^{17*} По словам самого Кистяковского, «первый перевод "Эрфуртской программы" Каутского был издан в 1894 г. в Галиции и печатался в той же типографии в Коломые, в которой печатался "Народ"» (*Кистяковский Б.* Предисловие ко второму тому // *Драгоманов М.П.* Собр. политических сочинений. Paris, 1906. Т. II. С. LIII).

^{18*} П.Л. Тучапский пишет в своих воспоминаниях: «Летом 1892 года я жил на уроке в семье одного киевского купца на даче в предместье Киева. В это время Анна Николаевна Деген (Ковалевская) жена Евгения Дегена попросила меня быть третейским судьей с ее стороны в споре (из-за чего, я не помню) с Богданом Кистяковским... Я согласился и, чтобы условиться о времени суда и других подробностях, побывал у Кистяковского, приехавшего на каникулы в Киев. Он куда-то уезжал на время и взял мой адрес, чтобы списаться со мной.

Через некоторое время до меня дошли слухи, что Кистяковский арестован (он всегда вел себя очень таинственно, так что я и до сих пор не знаю, почему он был арестован)...» (*Тучапский П.Л.* Из пережитого. С. 35).

Далее Тучапский сообщает интересные сведения о Кистяковском-марксисте: «... Еще до своего ареста в 1892-м г. я начал изучать политич. экономию, приходилось знакомиться и со статистикой...

Но, конечно, от этих "основ" было еще далеко до сознательного марксистского мировоззрения. Толчок в этом направлении дал мне и некоторым моим будущим знакомым тот же Богдан Кистяковский, который когда-то способствовал моему превращению в драгомановца. В Юрьеве Кистяковский сблизился со студентами-поляками, придерживавшимися марксистских взглядов. Вероятно, при их посредстве он познакомился и с русской социал-демократической литературой (изданиями группы "Освобождение труда"). Таким образом, когда Кистяковский приехал в Киев летом 1892-го года, он уже был марксистом.

Кистяковский был освобожден из предварительного заключения несколько позже меня. Когда я с ним встретился, он дал мне "Наши разногласия" Плеханова, а потом и другие издания группы "Освобождение труда"» (Там же. С. 40).

^{19*} Прежнее название г. Лиепая в Латвии.

^{20*} **Кузьма Терентьевич Солдатенков** (1818—1901) и **Лонгин Федорович Пантелеев** (1840—1919) — известные книгоиздатели.

^{21*} Прежнее название г. Елгава в Латвии.

^{22*} Считаю нелишним еще раз отметить библиографическую ошибку, которая грозит стать «кочующей». В статье А. Полякова в «Философской энциклопедии» (Т. 2. М., 1962) имеется указание на русский перевод диссертации Б.А. Кистьяковского: этим переводом является якобы статья «Идея равенства с социологической точки зрения» (Мир Божий. 1904. № 4).

В действительности эта статья представляет собой рецензию Кистьяковского на книгу С. Бугле. Диссертация же Кистьяковского на русский язык не переводилась.

^{23*} Интересно в этой связи сказанное о Кистьяковском в воспоминаниях Ф.А. Степуна, хотя оно и относится к более позднему времени. «В 1905-м году, в самый разгар первой революции, — пишет Степун, который был в то время студентом в Гейдельберге, — я выступил с докладом на тему: "Об идейной немощи русской революции". В этом докладе я проводил параллель между французской и русской революциями, доказывая, что французская была первою попыткою практического осуществления последнего слова философии, русская же собирается строить новую жизнь на основе давно уже опровергнутых немецким идеализмом и русской религиозной мыслью материалистических задов философии. Возлагать какие бы то ни было надежды на сочетание политической революционности с духовной реакционностью я решительно отказывался. Доклад имел успех, но, конечно, лишь успех скандала. Прения длились целых два вечера. Социалисты всех партий с полным единодушием разносили мои тезисы. Большую помощь на втором вечере оказал мне своим выступлением и своим авторитетом прославившийся в Гейдельберге своею выдающеюся докторскою работою Богдан Александрович Кистьяковский» (*Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. London. 1990, Т. I. С. 117—118).

^{24*} **Владислав Иосифович Борткевич** (1868—1931) — экономист и статистик, по происхождению поляк. С 1895 г. профессор в Страсбурге, с 1901 г. до конца жизни — профессор Берлинского университета.

«В своем первом труде В.И. Борткевич... очень хорошо отметил все те трудности, которые возникают при попытках свести результаты, получаемые при обработке статистических данных, к причинному объяснению явлений — писал впоследствии Б.А. Кистьяковский. — К сожалению, в последующих своих сочинениях он не разрабатывал уже раз намеченных им отклонений этого типа исследований от естественно-научных и теперь, по-видимому, больше склоняется к точке зрения Криза. ... Хотя я стою на совершенно другой точке зрения, чем Вл. И. Борткевич, тем не менее научные беседы с ним несомненно способствовали выработке моих собственных взглядов на эти вопросы. Поэтому считаю своим долгом выразить ему здесь свою искреннюю благодарность (*Кистьяковский Б.А.* Социальные науки и право. М., 1916. С. 105—106).

^{25*} **Павел Иванович Новгородцев** (1866—1924) — философ и правовед, с 1906 г. — директор Московского коммерческого института, где работал и Б.А. Кистьяковский. В своей книге «Об общественном идеале» П.И. Новгородцев несколько раз ссылается на Кистьяковского (как правило одобрительно, но один раз и критически). См.: *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991 (по указателю имен).

Александр Александрович Чупров (1874—1926) — статистик, член-корреспондент Российской АН (1917), сын экономиста и статистика А.И. Чупрова. В 1917 г. Чупров-сын уехал из России; умер в Женеве.

Чупров, как и Кистьяковский, часто и подолгу бывал в Германии, где они находились в тесном контакте. Так, в декабре 1910 г. Кистьяковский писал М.О. Гершензону: «... тут был проездом Степун, и благодаря ему я познакомился с книгами А. Белого "Символизм" и отчасти "Серебряный голубь". Впечатление у меня получилось очень сильное. На статистическую часть его книги "Симв(олизм)" я даже обратил внимание А.А. Чупрова и получил одобрительный приговор» (ОР РГБ. Ф. 746. К. 34. Ед.хр. 44. Л. 14).